

А.Е. Ланд

Еврейская библиотека

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Е. Ланд**
Еврейская библиотека: Том 4 / А.Е. Ланд – М.: Книга по Требованию, 2014. –
496 с.

ISBN 978-5-4241-6035-6

Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том 4.

ISBN 978-5-4241-6035-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

набрать штрафныхъ, когда и законнаго числа рекрутъ не выставишь?

Правительство было право, но и евреи были правы, каждый по своему.

Двадцатипяти-лѣтняя служба! Трудно выкроить изъ человѣческой жизни такую длинную полосу лѣтъ, не урвавъ добраго куса счастливой юности и не захвативъ части начинающейся старческой немощи. Это—цѣлая человѣческая жизнь. И какая жизнь! Вытяжка, выправка, палки, фухтели, шпиц-рутены, тумачи, кулаки, оплеухи и зуботычины. Еврейскіе рекруты малолѣтки—ихъ принимали съ девяти лѣтъ—переживали, сверхъ того, еще самый печальный прологъ къ настоящей военной службѣ, начинавшейся для нихъ съ наступленіемъ совершенно-лѣтія. Дѣти—больныя и хилыя—изъ нѣжныхъ объятій матерей непосредственно, безъ всякаго подготовленія, переходили въ грубыя руки пьяныхъ дядекъ—солдатъ. Забривъ ихъ лбы, напяливъ на нихъ непомерно длинныя, широкія казенныя шинели, надвинувъ на ихъ дѣтскія головы бездонныя сѣрыя фуражки, ихъ цѣлыми стадами перегоняли тысячи верстъ, по слякоти и въ стужу. Нѣкоторыхъ размѣщали въ кантонистскія школы, а большую часть отдавали на попеченіе и прокормленіе поселянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Тамъ они превращались въ паревъ, въ рабовъ. Голодные, терзаемые холодомъ и вѣчно истязаемые, многіе изъ нихъ погибали, а многіе принимали христіанство, не по убѣжденію разумѣется, а изъ необходимости, въ надеждѣ избѣгнуть національной вражды невѣжественныхъ и жестокихъ хозяевъ. Еврейскій солдатъ, трезвый, честный и исправный, могъ дослужиться до... до чего вы думаете? До генеральскихъ эполетъ? О, нѣтъ! Будь онъ хоть семи пядей во лбу, отличись онъ по службѣ какъ хочеть, а дослужиться до унтеръ-офицерскаго чина, оставаясь *евреемъ*, ему было такъ же возможно, какъ возможно однимъ прыжкомъ очутиться въ Іерусалимѣ. Деньщикъ, писарь, портной,

сапожникъ, музыкантъ, барабанщикъ — вотъ та лестная перспектива, вотъ та блестящая карьера, которая ожидала еврея на военномъ его поприщѣ.

Имѣли ли евреи резонъ уклоняться отъ военной службы? Имѣла ли основаніе всякая еврейская мать, всякая еврейская жена, вымаливать у милосердаго Бога смерти своему любимому сыну, своему обожаемому мужу, обреченному на жертву ужасной рекрутчины?

Евреи были скучены и замкнуты въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Надъ личностью, надъ предвизніемъ, надъ профессіей еврея тяготѣли свинцовые запреты тогдашнихъ законовъ. Религіозный фанатизмъ и суевѣріе въѣдались въ кровь и плоть еврея своими безчисленными жалами, своими острыми зацѣпами. Молодое поколѣніе вступало въ ненатуральные, ранніе браки; южная, страстная еврейская раса плодилась и множилась, по библейскому выраженію, какъ песокъ морской. Тѣсныя, сорныя кучи, въ которыхъ копошились десятки тысячъ еврейскихъ многочисленныхъ семействъ, предоставляли мало средствъ къ пропитанію. Въ этихъ кучахъ происходила ожесточенная борьба за существованіе; кусокъ насущнаго хлѣба вырывался изъ рукъ тѣми, которые были дѣятельнѣе, ловчѣе и хитрѣе. Такихъ счастливыхъ было не много, а имъ приходилось прокармливать своимъ физическимъ или мозговымъ трудомъ цѣлыя десятки близкихъ, висѣвшихъ на ихъ шеѣ. Трудно было жить, тяжелое то было время!

Имѣли ли евреи право дорожить своими молодыми, рабочими силами? Имѣли ли еврейскія жены и матери резонъ жертвовать однимъ пальцемъ для сохраненія остальныхъ на рабочей рукѣ своихъ кормильцевъ, отдать лѣвый глазъ роковой необходимости для сохраненія себѣ праваго?

Мѣстныя власти и администраторы не признавали и даже не сознавали этихъ резоновъ. Кому что за дѣло до жидовскихъ мотивовъ, до жидовскаго горя? Власти и администраторы признавали одни сухіе факты: жида уклоняются отъ рекрутчины всѣми

неправдами, жида бродяжничаютъ, жида тунелничаютъ, жида котрабандничаютъ, жида плутуютъ... Жида—зло, вредъ, зараза.

Противъ этого зла, противъ этой заразы, принимались соотвѣтственныя мѣры...

Строгя мѣры стѣсняли, но не искореняли зла. Оно таилось не въ характерѣ еврея, а въ жалкихъ условяхъ его экономической, социальной и фанатической жизни. Побольше свободы, побольше равноправности и простора, побольше образованя, и зло это исчезло-бы само собою. Но тогда были другія времена, были и другіе взгляды на жизнь, другіе взгляды на людей и вещи...

Какъ бы то ни было, противъ евреевъ ожесточились власти. Ожесточенныя власти доносятъ вышнему начальству односторонне, пристрастно. Удивительно ли послѣ этого, что въ пятидесятихъ годахъ противъ евреевъ была пущена въ ходъ такая крутая мѣра, какая была-бы умѣстна только противъ разбойниковъ, грабящихъ и убивающихъ на большой дорогѣ.

Всякій еврей, какого-бы онъ возраста ни былъ, попавшійся безъ письменнаго вида, сдавался въ рекруты безъ всякаго суда и слѣдствія. Негодные къ службѣ военной поступали въ арестантскія роты, наравнѣ съ отпѣтыми ворами, наравнѣ съ послѣдними подонками человѣчества. Всякій, словившій безпаспортнаго еврея, могъ сдать его въ рекруты на свой счетъ. Слатчикъ этотъ получалъ квитанцію, и этимъ кровавымъ документомъ онъ могъ пользоваться самъ или перепродать его другому, какъ товаръ, какъ привиллегію на жизнь.

Этой мѣрой предполагали образумить упорныхъ, исправить неисправимыхъ и наставить блудныхъ сыновъ Израиля на путь истинный.

Вышло совсѣмъ противное.

Бродяги по прежнему слонялись по отдаленнымъ еврейскимъ закоулкамъ, самоуродованіе существовало по прежнему, а за границу убѣгали пуще прежняго. Блудные не исправились, а не-блудные раз-

вратились, деморализовались; мѣра эта обходила виновныхъ и постигала невинныхъ. Между евреями, особенно нѣкоторыхъ польскихъ мѣстностей, отличавшихся невѣжественностью своихъ еврейскихъ обитателей, развился духъ шпіонства, продажности и предательства. Завелся торгъ людьми, торгъ рекрутскими квитанціями. Охотились на безпаспортныхъ, какъ на дикихъ звѣрей. Доносили и сдавали мѣстнымъ властямъ цѣлыя семьи несчастныхъ бѣдняковъ, не обладавшихъ тѣми нѣсколькими рублями, которые требовались на уплату податей и налоговъ и на выписку изъ дальней родины новаго письменнаго вида. Сдавались старъ и младъ. Нерѣдко изъ цѣлой семьи не оказывалось ни одного годнаго въ рекруты; всѣ члены мужескаго пола облакались въ арестантскую сермягу, а женщины и дѣти вступали въ многочисленный цехъ нищихъ, заѣдавшихъ еврейскія общества. Находились такіе варвары, которые силою вырывали мальчишекъ изъ объятій бѣдныхъ матерей, выманивали копѣйкой или пряникомъ малолѣтокъ изъ школъ и синагогъ, увозили ихъ за нѣсколько верстъ и тамъ сдавали этихъ маленькихъ, мнимыхъ бродягъ въ рекруты, или за своихъ сыновей, или для полученія цѣнныхъ квитанцій. Подвергались опасности безпаспортные, но не меньшей опасности подвергались и тѣ счастливыя, которые обладали драгоценнымъ дипломомъ на періодическую свободу въ мѣстахъ, гдѣ евреямъ жительство дозволяется. Подвергались они опасности попасть въ лапы тѣхъ еврейскихъ бандитовъ, которые, посредствомъ обмана и насилія, составили себѣ выгодную профессію: паспортъ отнимали и уничтожали, а затѣмъ ограбленныхъ сдавали въ качествѣ безпаспортныхъ бродягъ. Власти не внимали никакимъ жалобамъ, мольбамъ, доводамъ и протестамъ жертвъ подобныхъ насилій, не наводили справокъ, не наряжали слѣдствій, а поступали по закону, особенно, если это законное усердіе было небезприбыльно...

Паспортъ былъ для еврея синонимомъ жизни и свободы. Понятно какъ дрожали евреи, въ тогдашнее

время, надъ казеннымъ документомъ, освященнымъ безграмотной подписью какого нибудь безголового головы, какой нибудь городской бездумной думы.

Мы не оправдываемъ варварства нѣкоторыхъ евреевъ, но и обвинять трудно. Толпа, какая бы она ни была, всегда остается толпою. Ея радость—бѣшенство, ея ярость—ненство, ея уваженіе—идолопоклонство, ея эгоизмъ—звѣрство, ея инстинктъ самосохраненія—страшнѣе чумы, грознѣе урагана, опаснѣе самаго.

Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn,
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn.

Страшная исправительная мѣра эта была уничтожена въ началѣ нынѣшняго царствованія.

Нашлись многіе, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, которые довели до Высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ злоупотребленіяхъ, порожденныхъ этой безчеловѣчной мѣрой, умоляя о милосердіи и состраданіи. И мольбы ихъ были услышаны.

Жертвы описанной нами эпохи изъ печальной жизни еврейской назывались — *пойманниками*.

На дворѣ стояла глубокая осень. Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ. День клонился къ вечеру.

По пустынной, проселочной дорогѣ плелся одинокій пѣшеходъ. Одежда путешественника далеко не соответствовала суровой погодѣ; полинялая плюсовая фуражка съ надтреснувшимъ козырькомъ, надвинутая на самые глаза и обвязанная старымъ синимъ носовымъ платкомъ, закрывавшимъ почти все лицо составляла его головной уборъ. По одному носу, остававшемуся обнаженнымъ, по небольшимъ усикамъ и клинообразной бородкѣ, покрытымъ мелкимъ инеемъ, трудно было судить о возрастѣ и наружности путешественника. Шинель изъ грубаго бураго цвѣта сукна, страннаго и древняго фасона, кожанная рукавица, веревка, служившая вмѣсто

пояса, и тяжелые, покосившіеся сапоги—вотъ и весь его незатѣйливый нарядъ.

Онъ усталъ; это легко было заключить и по опущенной на самую грудь головѣ его, и по медленности его движеній. Онъ шелъ, едва передвигая ноги. Вѣтеръ хлесталъ прямо въ лицо; онъ часто оборачивался спиной къ вѣтру, пытаясь продолжать свое шествіе заднимъ ходомъ, но, споткнувшись нѣсколько разъ о кочки, онъ отсталъ отъ этого намѣренія. Онъ остановился. Приподнявъ немного козырекъ фуражки, онъ нѣкоторое время внимательно осматривалъ горизонтъ, оборачиваясь во всѣ стороны съ видомъ человѣка, выжидающаго кого-то или чего-то. На горизонтѣ ничего новаго не оказалось. Мрачное, осеннее небо, сѣрыя тучи—вотъ все, что представлялось глазамъ зрителя.

Вѣтеръ дѣлался все порывистѣе. Пѣшеходъ присѣлъ на краю дороги.

— Чертовски холодно — пробормоталъ онъ въ носъ, стараясь ободрять себя улыбкой и грѣясь по кучерски, ударяя со всего размаха руками по собственнымъ плечамъ. Онъ отвязалъ небольшую котомку, покоившуюся на его спинѣ, и досталъ отгула кусокъ чернаго мерзлаго хлѣба. Затѣмъ вытащилъ оттуда же небольшую фляжку. Хлебнувъ изъ нея аппетитно и спрятавъ ее обратно, онъ принялся грызть черствый хлѣбъ. Хлѣбъ скрипѣлъ, хрустѣлъ, но поддавался; видно было, что съ нимъ вступили въ борьбу сильные, острые зубы.

— Какъ бы до ночи добраться до какой нибудь корчмы. Ночи темныя, собьешься, пожалуй, съ дороги и совсѣмъ замерзнешь. А ноги устали, совсѣмъ отказываются нести. И, какъ нарочно, ни одного проѣзжаго, я бы...

Вдругъ слышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Пѣшеходъ быстро спряталъ остатокъ хлѣба, подвязалъ свою котомку, поспѣшными шагами дошелъ до середины дороги и сталъ ожидать. Черезъ нѣсколько минутъ телѣга, запряженная парюю жирныхъ лошадей въ польской исправной сбруѣ, стала прибли-

жаться. На телѣхъ сидѣли рядомъ два сѣдока, укутанные съ головы до ногъ. Одинъ изъ нихъ правилъ за кучера. Завидя издали человѣка, стоящаго въ выжидательной позѣ среди дороги, одинъ изъ сѣдоковъ испуганно шепнуть своему товарищу на ухо на еврейскомъ жаргонѣ:

— Шмуль, ты видишь?

— Вижу.

-- Что же это такое?

— Человѣкъ.

-- Знаю, что человѣкъ, но какой?

— Кто его знаетъ.

— Не свернуть ли намъ съ дороги?

-- Свернуть? Куда, въ канаву?

— А можетъ, разбойникъ?

— Можетъ.

— Поворачивай назадъ лошадей, слышишь?

— Какой ты пугливый, отецъ. Развѣ это чучело похоже на разбойника?

А ежели у него ножъ?

Ножа... не боюсь; я и съ ножомъ его скручу.

— Шмуль, постой. Я запрячу деньги подъ сѣно. Боюсь, очень боюсь.

— Да не бойся же. Я трехъ разбойниковъ задушу. Не съ такими справлялся, знаешь!...

-- Пррр... Шмуль, стой, говорю я тебѣ!—Трусливый сѣдокъ ухватился за возжи. Лошади, фыркая, остановились.

— Ну, а дальше что?—спросить тотъ, котораго звали Шмулемъ, повернувшись лицомъ къ своему отцу.

— Какъ хочешь, а я не поѣду дальше,—дрожащимъ голосомъ произнесъ отецъ.

— Чтожъ, выпригать прикажешь? На ночлегъ, значитъ, добрались? —напустился Шмуль на отца.

— Иди, сынъ мой, узнай, что это за человѣкъ. Только не подходи къ нему близко, чтобы онъ тебя, сохрани Боже, не пырнулъ какъ нибудь ножемъ.

— А если пырнетъ?

— Не подходи близко, говорю я тебѣ.

- А если онъ погонится за мною?
- Бѣги назадъ, прыгни ко мнѣ; мы повернемъ и удеремъ. Коня надежные.
- А если онъ меня догонитъ?
- Съ помощью Божіей—не догонитъ.
- А если...
- Поворачивай назадъ, говорю я тебѣ, Шмуль,—крикнулъ не своимъ голосомъ трусь.

Шмуль разсмѣялся трусости отца. Онъ ловко соскочилъ и быстро и смѣло направился къ мнимому разбойнику, сложивъ на всякій случай свои широкія длани въ кулаки почтенныхъ размѣровъ. Во всѣхъ его ухарскихъ приемахъ такъ и проглядывала сила и навыкъ къ кулачной расправѣ. Трусливый сѣдокъ безпокойно слѣдилъ за смѣльчакомъ, натянувъ между тѣмъ возжи и приготовляясь въ мигъ повернуть лошадей. Онъ спокойно вздохнулъ, когда издали замѣтилъ мирныя отношенія между его сыномъ и незнакомцемъ. Онъ опустилъ возжи.

— Они мирно разговариваютъ... Подаютъ другъ другу руку... Ну, слава Богу, вѣрно одинъ изъ нашихъ,—прошептала онъ, улыбаясь и совсѣмъ успокоившись. Шмуль все не приходилъ.

— Шмуль, а Шмуль,—крикнулъ сердито ободрившійся отецъ: — чего ты тамъ застрялъ? Холодно, лошади не стоятъ.

Шмуль оставилъ путешественника и подбѣжалъ къ телѣгѣ. Онъ долго, съ жаромъ размахивая руками, нашептывать что-то отцу.

— Ты правъ, хорошо,—согласился трусь.

Шмуль могучимъ басомъ подозвалъ незнакомца.

— Садитесь, братъ, къ намъ. Мы васъ подвеземъ, отогрѣемъ и накормимъ—по-еврейски.

Незнакомецъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ вскарабкался на высокую телѣгу и усѣлся на мѣсто Шмуля, а Шмуль, подобравши возжи, помѣстился на облучкѣ. Телѣга тронулась.

— Откуда васъ Богъ несетъ?—спросилъ незнакомца тотъ, котораго Шмуль называлъ отцомъ, подавъ руку въ привѣтъ, по еврейскому обычаю.

— Издалека. Изъ страны голода и нищеты.

— Какая же это страна?

— Я вамъ все въ подробности объясню, когда заберемся въ теплую хату. Я такъ продрогъ, что съ трудомъ поворачиваю языкомъ.

— Бѣдный челоуѣкъ, — сжалился Шмуль. — Мнѣ право васъ очень жаль. — Онъ остановилъ лошадей, вытащилъ изъ полъ сѣна старую овчинную шубу и набросилъ на плечи незнакомца.

— Да наградитъ васъ Богъ, добрые братья! Безъ васъ я совсѣмъ околѣлъ бы.

— За что благодарить? Прикрыть нагого и накормить голоднаго — долгъ всякаго истаго еврея, — отвѣтилъ добродушно Шмуль.

— „Люби своего ближняго яко самого себя!“ изрекъ Егова устами Моисея, — добавилъ отецъ.

— Мало ли что изрекъ Егова! Исполняются ли всѣ его велѣнія? — замѣтилъ грустно незнакомецъ.

— Охъ, грѣховность наша велика, что и говорить, за то и милосердіе Божіе безпредѣльно. Конечно, всякіе евреи бываютъ... Семья не безъ урода.

Шмуль стегнулъ лошадей. Телѣга запрыгала быстро.

— А мы было приняли васъ за разбойника, — началъ опять отецъ Шмуля и самъ засмѣялся своей трусости.

— *Мы?* Скажи лучше: я. Тебѣ всегда мерещатся разбойники, мертвецы, полиція...

— Добрые люди, — перебилъ незнакомецъ: — если бы я и былъ разбойникъ, то ничего не могъ бы сдѣлать; руки мои просто одервенѣли отъ холода.

— Никакихъ рукъ я не боюсь, — похвасталъ Шмуль. — Я не съ такими справлялся. На дняхъ...

— Шмуль! — прикрикнулъ на него отецъ. Шмуль прикусилъ языкъ.

Разговоръ прекратился и не возобновлялся больше до тѣхъ поръ, пока не послышался неистовый лай множества собакъ.

— Слава Богу, добрались, наконецъ

— Да и темнота же какая!

Незнакомецъ съ любопытствомъ озирался во всѣ стороны. Тѣма была непроницаема.

— Гдѣ мы теперь, господа?

— У цѣли. Въ городкѣ Ш. Еще двѣ улицы и мы будемъ дома.

— Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь дешеваго постоялаго двора или корчмы?

— А тебѣ на что?

— Переночевать бы, а завтра рано опять бы въ путь.

— Такъ мы тебя сейчасъ и пустимъ!

— Былъ нашимъ спутникомъ, будешь и нашимъ гостемъ,—добавилъ Шмуль.

— Да тутъ и другой корчмы нѣтъ, кромѣ нашей,—объяснилъ отецъ Шмуля.

— Какъ знаете, братцы. За все спасибо.

Телѣга остановилась у большой не штукатурной постройки, стоявшей какъ-то особнякомъ, безъ двора и ограды. Шмуль сильно постучалъ въ ворота. Онѣ медленно, скрипя, отворились. Телѣга вкатилась въ какое-то темное пространство, застучала по досчатому помосту и остановилась.

— Фонаря!—приказалъ Шмуль кому-то и соскочилъ. Онъ помогъ слѣзть отцу и незнакомцу.

Явился откуда-то человѣкъ съ грязнымъ и тусклымъ фонаремъ въ рукѣ.

Сальный огарокъ, торчавшій въ фонарѣ, проливалъ такъ мало свѣта, что всѣ предметы казались какими-то темными, неопредѣленными массаами, безъ цвѣта и формы. Тѣмъ не менѣе, незнакомецъ замѣтилъ, что они находятся въ тѣхъ громадныхъ сѣняхъ польскихъ стодоль, которыя служатъ вмѣстѣ конюшней, сараемъ и подъѣздомъ.

Человѣкъ, принесшій фонарь и поставившій его на полъ, принялся отпрягать лошадей, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Что ты тамъ ворчишь, собака?—прикрикнулъ на него Шмуль:—я тебя ворчану такъ, что у меня завоешь.—Шмуль постучалъ въ какую-то дверь. Ее отворили.